

Взятие «снежного городка»: опыт прочтения «мужского текста» ритуала сибирской Масленицы

Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Пятых Сибирских Чтений. СПб, 17-19 октября 2001 г., Ч. 2. СПб: МАЭ РАН, 2004. С. 138-144.

Культура русского населения Сибири формировалась, как известно, в ходе освоения обширных зауральских территорий на протяжении нескольких столетий, начиная с XVI в. Богатый пласт дохристианских, языческих представлений и верований сибирских крестьян сохранялся при этом вплоть до начала XX в. - ср., к примеру, замечание А.А.Макаренко о наличии "до удивления архаичных" нравов и обычаев "русского сибирского народа", относящееся к 1913 г. [Макаренко, 1913, С.10-11]. Огромное множество подобных фактов позволило ряду ученых поставить вопрос не только о сохранении, но и о существенном оживлении славянского язычества в специфических условиях сибирской "воли", вдалеке от "зоркого ока Москвы". Масштабы и причины этого явления, считает А.М.Сагалаев, до сих пор не оценены по достоинству. В частности, по словам автора, не выяснено, насколько этому "второму изданию" славянского язычества, способствовала духовная атмосфера исконно языческого аборигенного окружения Сибири [см. также: Коршунков, 1999, С.152 и др.].

Обычаи и обряды сибирской масленицы убеждают в том, что в новых природно-климатических и социокультурных условиях; этот праздник обогатился чертами, которые трудно объяснить непосредственным развитием традиций Европейской части страны или прямыми контактами с местным населением. Более вероятным представляется именно оживление неких глубинных архетипов сознания и поведения русских сибиряков, что, в частности, проявилось в такой масленичной забаве, как "взятие снежного городка". Эта "малоизвестная" в Европейской России игра в условиях Сибири получила широчайшее распространение, став своего рода "визитной карточкой" масленичных гуляний. Не случайно происхождение самого обычая старожилы связывали с событиями сибирской истории, объясняя его бытование памятью о "боях (казаков) за стенами острожков с осаждавшими их инородцами" [см.: Красноженова, 1924, С.26].

Следует отметить, что обрядность праздника в целом отличалась повышенной активностью мужских групп населения, образуя своего рода "мужской текст" масленичного ритуала. Праздничная неделя начиналась со всеобщего катания с гор, некогда, вероятно, входившего в обряд встречи Масленки.

Устройством масленичных гор *"заведывали"* парни, в обязанность которых входило также поддержание порядка катания [Макаренко, 1913, С. 1401. Любимым развлечением на Масленице были военно-спортивные состязания - пешие или конные - *беги* и самые разнообразные виды борьбы, выявлявшие лидера внутри отдельных/ возрастных групп - ср.: *"мужики соревновались, кто "круг возьмет" - вначале парнишки маленькие боролись, потом ребята постарше, наконец, дело до стариков доходило"* [записано от А.Г.Устюгова, 1914 г.р., сиб., с.Иевлево, Яркоковский р-н, Тюменская обл.]. Однако подлинной кульминацией праздничного гулянья являлись проводы Масленицы, задолго до которых в каждом селе готовились атрибуты масленичного поезда, намечались его участники и распределялись роли [Городцов, 1915, С. 18, Тюменский у.].

В отличие от Европейской части страны, где чучело Масленицы делали обычно женщины [см.: Соколова, 1979, С.25-27] в Сибири изготовлением его, как правило, занимались мужчины. Сама "Маслянка" наделялась при этом мужскими чертами и представляла собой *"мужика из соломы в мужичьей лопоти... с трубкой в зубах"* [Арефьев, 1901, С.138, Енисейский у.]. Даже в тех случаях, когда чучело Масленки было представлено "старухой", в ее костюме непременно присутствовали элементы мужской одежды - шапка, *"чинбары"*, *"пинжак"* пр. [ПМА].

Масленичный поезд сопровождала *"толпа скоморохов"*, которую представляли *"парни и молодые мужики... в вывернутых наизнанку шубах, рваных шапках, старых пимах или броднях"* [Городцов, 1915, С.21]. Одеты в военную форму музыканты - *"казаки"*, *"енералы"*, *"фетьмаршалы"* и пр. - *"утешали зрителей игрою"* в бубны, скрипки, гармонии, стремена и балалайки [АРГО, р.62, оп.1, №3, л.7, Бийский у., Томская губ.; АРГО, р.62, оп.1, №8, л.21об.-22, Каинский у., Томская губ.]. В связи с этим приведем мнение Л.М.Ивлевой о том, что наиболее ранние архивные сведения - о масленичном ряжении - как в Сибири, так и в Европейской части России - *"изобилуют указаниями на преимущественное участие в нем мужчин"* [Ивлева, 1.994, С.105].

Уничтожение чучела Масленки знаменовало собой окончание масленичных гуляний - ср.: *как только поезд*

выезжает за околицу, "вся толпа народа, словно по сигналу, бросается на... чучело, разрывает его в клочья и разбрасывает по дороге,.. все это потом складывают в костер и поджигают" [Городцов, 1915, С.28]. Отметим, что наряду с изготовлением чучела другой способ персонализации Масленицы был связан с игрой ряженого, когда на главную роль приглашался "опытный и хорошо знающий подробности обряда" крестьянин, который, без сомнения, отождествлял себя с самой "Масляницей", говоря и действуя от ее имени [Городцов, 1915, С.20-21]. Конструкция масленичного поезда оставалась при этом неизменной - ср.:

<p>Заготовив "соломенное <u>чучело</u>" и принарядив его в "мужичье платье", "робяга" усаживают его в "специальный экипаж, составленный из связанных в ряд саней,.. посередине водружают жердь в 9-10 аршин высоты, на нее надевают... колесо,.. (к которому) привязывают чучело... с куском коровьего масла и бутылкой со стаканом" [Макаренко, 1913, С.145, и др.].</p>	<p>"Сани или дровни для поезда обшивают худыми рогожами,.. в середину саней утверждают аршин в 8 жердь, вверху которой находится крепко привязанное колесо, на котором сидит сама госпожа Масленица, то есть <u>человек</u>, одетый в самую смешную одежду, вымаранный сажеею" [АРГО, р.62, оп.1, №8, л.21об.-22, с.Покровское, Каинский у., Енисейский у., Енисейская губ. Томская губ. и др.].</p>
---	--

Отметим, что такие детали масленичного обряда, как установка шеста, подготовка антропоморфного чучела и последующее его уничтожение, позволяют, по мнению, А.К.Байбурина, рассматривать его в качестве "типичного ритуала принесения жертвы у мирового дерева" [см. об этом: Байбурин, 1993, С.153 и др.].

"Взятие снежного городка с последующим его разрушением, по всей видимости, компенсировало невозможность уничтожения жертвы в том случае, когда Масленица была представлена живым персонажем. Именно поэтому состязания за обладание снежной крепостью были, как правило, приурочены к заключительному этапу проводов самой Масленки - ср.: "в *прежнее время*" грамотный крестьянин читал около снежного города "*какое-то сказание,.. о Маслянице - существе обжорливом, истребившем много блинов, масла и рыбы*" [Зобнин, 1896, С.541, Тюменский окр., Тобольская губ.]. Подъехав к городку вымазанный сажеей "царь" с ярким бумажным колпаком на голове вычитывал "*полную остроумных, подчас циничных, прибауток*" речь "*в костюме Адама*",

по окончании которой подавал знак к началу взятия городка [Новиков, 1929, С.176, 178, Сиб.]. Уничтожение крепости нередко имело самое непосредственное отношение к указанному персонажу - ср.: *"При ломании... города, совершенно голый человек, возимый до этого на разряженных лошадях, как бы бесновался в это время, выражая какую-то скорбь и сожаление"* [Попов, 1866, Тарский окр., Тобольская губ.].

В наиболее полном виде традиция "взятия снежных городков" сохранялась в старожильческой среде [новейшую сводку различных вариантов игры по Алтайскому краю см. в работе: Дубровская, 2001, С.219-221]. Все участники - *"мужчины, а особенно молодые парни"* - делились на две партии: *"одни - пешие, другие - верхом на конях. Первые стоят около города для защиты его, вторые - отъехав с пол версты, пускаются во весь мах"* пытаясь прорваться сквозь частокол хворостин и метел [АРГО, р.61, оп.1, №23, л.49об., Ялуторовский окр., Тобольская губ. и др.]. *"Забавы"* эти всегда продолжались *"до тех пор, пока не возьмут города"*, который обязательно подвергался впоследствии разрушению - ср.; *"сотни мальчишек с оглушительным криком бросаются на крепость и в несколько минут разрушают ее до основания"* [Там же]. Наконец, победитель, взявший город, не только получал награду, но, судя по многочисленным свидетельствам, нередко подвергался настоящим истязаниям - ср.: *"всадника-победителя догоняет толпа... стаскивает его с коня и "моет" в снегу, (то есть), наполняет комьями снега его шаровары, рубашку и пр. до тех пор, пока победитель не потеряет сознания. Бывают при расправе с победителями-счастливыми и несчастные случаи - ломают герою руку, (или) ногу... Затем его везут в деревню, приводят в чувство и поят вином, Все присутствующие складываются на такое дело"*. [Новиков, 1929, С. 176; примеры купания победителей в ледяной проруби см.: Красноженова, 1924, С.35].

Подобные истязания представляются исключительно важной особенностью указанных состязаний. В литературе делались попытки объяснить обычай "мыть в снегу" победителей через сопоставление его с купанием в крещенской проруби тех, кто ходил ряжеными на Святки, то есть трактовать его как "очистительный" [Липинская, 1996, С.186]. Вместе с тем, принудительный характер действий, а также отсутствие личного покаяния со стороны главного персонажа не позволяют принять подобную трактовку. Более плодотворным представляется мнение, согласно которому приуроченные к Масленице и другим

весенним праздникам состязания с их представлениями о воздействии ритуального противоборства и пролития крови на аграрное плодородие в целом могли изначально использоваться в качестве элементов инициации, мужской молодежи [Горбунов, 1994, С.110-111].

В русле данной трактовки можно рассматривать и такие варианты взятия снежной крепости, как залезание на вершину установленного в центре нее столба; отметим, что устройство самой крепости в ряде случаев ограничивалось возведением такого столба - ср.: *"на открытом месте близ деревни, в особенности на озерах и реках, ставится перпендикулярно слега вышиной от 3 до 5 сажень. Верхний конец... обливается холодной водой, а иногда обмазывается свиным салом. На самой верхушке привязывается бутылка вина или платок, а иногда петух или поросенок. К этим "городам" в последний день Масленицы собирается очень много крестьян, являются (также) охотники взять город, то есть, подняться на верхний конец слеги и достать привязанный там приз"*¹ (АРГО, р.61, юп.1, №25, л.8., г.Курган, Тобольская губ.).

Перемещение вдоль вертикальной оси являлось частью обрядов посвящения, (в том числе, в шаманы), у многих народов Сибири. У хантов, к примеру, по достижении определенного возраста юношу вели на священное родовое место, где его заставляли влезть на дерево, в котором обитал крылатый предок рода. Стоявшие внизу старики читали при этом заклинания. Спустившийся на землю юноша считался уже полноправным членом рода [см.: Чернецов, 1959].

Символ мирового дерева как семантического центра мироздания универсален. Его основная функция - непрерывное воспроизведение жизни в среднем мире, поэтому, как пишет Н.С.Коровина, движение вверх до рубежа верхнего мира и обратный спуск до рубежа мира среднего можно рассматривать как временную смерть посвящаемого и его воскресение [Коровина, 1995, С.297-304]. Залезание на вершину столба (шеста, жерди, слеги) во время масленичных гуляний у русских также, по всей видимости, символизировало получение неких ценностей из верхнего мира.

Учитывая повышенное внимание со стороны всего коллектива, которое оказывалось на Масленице молодоженам и проявлялось в разного рода "смотре", а также общественных "испытаниях" молодых (особенно молодого), выскажем предположение, что рассмотренные элементы масленичной обрядности служили своеобразной проверкой сил новых членов общины, выполняя роль

обрядов посвящения накануне нового календарно-хозяйственного периода, связанного с символическим оплодотворением земли.

ПРИМЕЧАНИЯ:

АРГО - Архив Русского Географического общества

ПМА - полевые материалы автора

Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии //ИзвестияВСО РГО. Иркутск, 1901. Т.XXXII. №1-2.

Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб, 1993.

Горбунов Б.В. Традиционные состязания за обладание снежной крепостью-городком как элемент народной культуры русских // Этнографическое обозрение, 1994, №5.

Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. 1915. Вып. XXVI.

Дубровская М.В. Варианты масленичной игры "Взятие снежного городка" на территории Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2001. Вып.4.

Зобнин Ф. Игры в слободе Усть-Ницынской Тюменского округа // Живая старина. СПб, 1896. Вып. III-IV.

Ивлева Л.М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб, 1994.

Коровина Н.С. Коми фольклор как источник для реконструкции обряда посвящения//Кунсткамера. Этнографические тетради. СПб, 1995, Вып.8-9.

Коршунков В.А. Особенности народно-бытового православия // Этнос, ландшафт, культура. Материалы конференции. СПб, 1999.

Красноженова М.В. Взятие снежного городка в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск, 1924.

Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: русские на Алтае в XVIII -начале XX века. М, 1996.

Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении // Записки РГО по отделению этнографии. СПб, 1913. Т. XXXVI.

Новиков А. Несколько заметок о сибирской маслянице // Сибирская живая старина. Иркутск. 1929. Вып. VIII-IX.

Попов Т. Слобода Такмыцкая. Тарский округ Тобольской губернии // Тобольские губернские ведомости. 1866. №9.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам религиозных верований. Труды Института этнографии. 1959, Т.51.